

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

У И.Ф. Богдановича, как и у других комических поэтов, образ рассказчика является композиционным центром художественного мира. Он выступает в маске балагура и простака. В его речи соединяются элементы высокого и низкого стиля. Он связан с традицией легкой поэзии, и это создает своеобразный колорит художественного мира поэмы, в которой соединяются традиции классицизма, рококо и раннего сентиментализма.

Таким образом, комическая поэма принадлежит к жанрам, специфику которых определяет коммуникативная установка автора, диктующая правила трансформации эпического мира, травестирования персонажей мифологической и героической традиции. Художественные цели автора достигаются введением в текст специфического образа аукториального повествователя, соединяющего черты эпического и комического (бурлескного) поэта. В комической поэме речевая природа жанра проявляется с полной очевидностью. Именно природа повествователя является главным инструментом преобразования эпической поэмы в комическую. Повествователь выполняет функцию «переводчика» эпического повествования на язык комической поэзии.

В результате в контексте культуры комическая поэма играла роль разрушителя риторической парадигмы. Она смешивала жанры, разрушала цельность эпической формы, вносила субъективизм в повествование, расширяла топику, вводила в поэму новый внелитературный материал, способствовала перестройке представлений о границах высоких и низких жанров. Таким образом, не выходя за рамки риторической парадигмы, комическая поэма подготавливала разрыв с ней, который совершился в литературе романтизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1979.
2. Ермоленко, Г.Н. Французская комическая поэма XVII–XVIII вв.: литературный жанр как механизм и организм / Г.Н. Ермоленко. – Смоленск, 1998.

ПЕРЕВОДЧИКИ СРЕДИ НАС

Адельберт фон Шамиссо

СКАЗКА АДЕЛЬБЕРТА

Проснувшись, Адельберт ощутил, что спал, похоже, долго; он потер глаза, не больно-то хотевшие открываться свету, и голову, которая была совершенно пустой; наконец он вспомнил о своем давешнем намерении отправиться в далекое трудное странствование, чтобы посмотреть мир и себя в нем, а потом размышлять и постигать, коли будет он на то способен; ибо эти вещи привлекали его. Он увидел подле себя белый страннический посох, хотел его взять, подняться и бодро продолжить путь, но наступила зима и было холодно; пока он спал, стукнули морозы, оказалось, что и посох его и платье и он сам крепко примерзли к земле, так что он не мог пошевелиться; остались свободными только руки, лежавшие на груди. Через голые, утратившие зеленый наряд ветви дерева, под которым он лежал, надвигался мрачный туман, и ветки шелестели недобрыми звуками; – но ведь это странно, подумал Адельберт, и снова задремал.

Адельберт задремал, проснулся и вновь задремал и еще раз очнулся; позади него (он лежал растянувшись по направлению к северу) всходило и заходило солнце, сменялись луны и проходили годы: но он все еще лежал, крепко примерзнув к земле, а над его головой шелестели голые сухие побитые ветром сучья дерева. Вдобавок вокруг него, насколько хватало глаз, громоздились ледяные глыбы, которые окружили его и надвигались все ближе и ближе, подобно стенам тюрьмы или могилы. Но ведь это странно, подумал Адельберт, это затруднение на пути, и он думал о безрассудствах, много ли мало ли, о том, чего и нет вовсе; как это имеет обыкновение случаться во время путешествия.

Он думал: необходимо мужественно переносить неизбежное, глупо роптать на судьбу. Если Господь когда-нибудь пошлет оттепель, то я, вероятно, опять обрету свободу, продолжу путешествие и с умом воспользуюсь всем, что увижу; и с этими мыслями он каждый раз снова засыпал.

Благодаря глубокому исследованию, для коего у него было в достатке времени, доискался он до причины коварной сущности зимы и питал глухую ненависть к морозу. Единственной радостью, которой он наслаждался, было смотреть через окружавшую его стеной ледяную корку на звезды, когда те сияли на ночном небе, он даже научился со временем распознавать по мерному круговороту небесной колесницы вокруг Полярной звезды, что миновал еще один год.

Сомкнув веки в обеденный час, дабы спокойно поразмыслить, и тут же задремав, он увидел, когда снова открыл глаза, удивительное явление. Перед ним стояла высокая женская фигура, великолепная в

своих размерах, несравнимая ни с одной женщиной на земле. Она, казалось, предавалась страданиям; одета она была в траурное платье, а ее черные волосы стекали в ночных волнах с сияющего лба по лицу вниз к живым лилиям груди и переливались по прекрасным членам. Рукой она разделила падавшие на глаза локоны, и он заглянул ей в лицо; сердце в его груди вздрогнуло. Она сделала шаг ему навстречу, склонилась над ним и неотступно следила серьезным взглядом своих мрачно горящих глаз за его взглядом: мощные звуки своего неземного имени она изрекала так, что повторить эти звуки человеческие уста были не в состоянии; потом она отрезала и унесла с собой один локон с его головы, бросив ему сверху собственную прядь волос, которую продела через снятое с пальца кольцо; затем ее отстранила некая суровая сила, на нее накинута покрывало молчания, она закуталась в него и, часто оборачиваясь назад и смотря ему вслед, с взволнованной поспешностью направилась на север.

Напрасно старался Адельберт, лежавший без памяти и движения, как и удерживавший его лед, собрать свои последние силы, он кричал ей вслед, моля о сострадании, громко плакал и протягивал руки – она исчезла, а перед ним стояли лишь мрачные холодные ледяные глыбы, окружавшие его стеной. Пролит много слез, он поместил на палец кольцо, а на грудь локон и, насытив сердце слезами, снова уснул. Но и во снах ему являлся удивительный образ женщины, которая терзала Адельберта взглядами, молчанием и бегством; он проснулся и вновь обдумал странное событие, затем опять уснул, чтобы увидеть во сне женщину. Его сердце воспылало к ней любовью, и он чувствовал, она всё для него и его судьбы. Он обращал к ней пылкие молитвы с надеждой и верой, что она спасет его от терзаний и стыда. Однако спасение не приходило, и он страдал еще долгие месяцы.

Наконец он пришел к более здравому рассуждению. С напряженным старанием стал он рассматривать кольцо, которое до сих пор лишь целовал и прижимал к сердцу, он полагал увидеть знаки на этом талисмানে, и впрямь обнаружил их вырезанными на кольце – но пока не мог их прочесть, ему не хватало разумения.

От желания разузнать смысл знаков все его душевные силы пришли в оживленное движение, и он напряженно, не зная устали, силился добиться этого всякими способами и лишился сна; и хотя, как казалось, задача никак ему не поддавалась, он не терял надежду, а лишь проливал слезы страха и трепета.

Однажды ночью, когда во сне он вновь увидел удивительный образ и ясно смотрел на него, словно молния прорезала его душу; он поспешно вытянул кольцо и в мерцании Полярной звезды, сиявшей светлее, прочитал легко и быстро могущественное слово: **THELEIN**¹.

Θελεῖν! Стало быть, надлежит желать?

«Пусть будет так! Я желаю!» – выкрикнул он с силой и в гневе вскочил, и удерживавшие его ледяные оковы разбились, легко и быстро, как полет мысли. Он схватил свой посох: его лед тоже послушно отдал. В это время солнце поднималось на востоке и заливало кровавым сиянием стены железной темницы замка, в котором он, осмотревшись, обнаружил себя. Он надел на указательный палец правой руки кольцо, сжал кулак, шагнул к восточной стене и нанес сильный удар, и неподвижное здание с громовым раскатом треснуло, рухнуло и превратилось вокруг него в груды развалин. И вот он стоял тут, лишь раз осмотрел приметы своего долгого позора, не заплакал и не засмеялся, а был спокойно серьезен, готовый отправиться в намеченное странствие, ощущая любовь в груди и силу во всем теле.

А солнце, пламенея, поднималось к своему зениту, и вдруг под его лучами исчезли разбросанные руины ледяной крепости. Вокруг Адельберта тот час стремительно поднялся источник живой воды и окружил его диким бурлящим потоком, тут же разлилось окрест бескрайнее море, которое билось и бушевало с грозным непрерывным звучанием, а громоздившиеся кругом волны казались раздраженными в своем гневе и хотели затеять схватку, дабы поглотить его. И поднялась на море буря с воинствующими ветрами, которые собирали над его головой все облака. Одиноко стоял он посреди этого ужаса.

Чтобы свалить его с ног, к нему устремился порыв ветра – он стоял твердо – буря лишь забавлялась его одеждами, но у него был отнят таинственный локон, который хранился на груди и который ветер погнал прочь над волнами. Тогда он смело бросился в грозный поток и – посмотри! – громоздившиеся волны улеглись и кротко держали его, море разгладилось, ураганы замолчали при его приближении и лишь мягкое дуновение ветра увлекало его за уносимым локоном, за которым он неутомимо следил глазами и стремился дотянуться рукой. Однако перед его взором из темного локона вырос и расцвел божественный образ таинственной женщины под покрывалом, которая крылатым шагом, не прикасаясь к воде, двигалась среди волн перед алчущим, направляя его усердное преследование то на север, то на юг, то на запад.

Так завершил он большую часть пути, но времени не было, солнце находилось в южном полушарии неба; на севере строго и ясно сияла Полярная звезда; утренняя Аврора сверкала на востоке, а на западе изливались самые щедрые огни вечера. Небесные светила складывались на небосводе в причудливые фигуры судьбы; лазоревым был воздух, а также воды, чьей пеной стали розы и цветы страданий.

После безмерных, долгих, упорных стараний он увидел мимолетную парящую фигуру, которая направляла свой полет к суше, показавшейся вместе с высокими горами между севером и югом, и все

чаще бросала ему назад странные взгляды. Он еще больше напрягся, плыл с удвоенной силой и вот образ плавно поднялся над берегом и двинулся к горам; Адельберт тоже достиг берега, его нога ступила на твердую землю; он пустился бежать вверх в горы, следуя все время за целью. Позади него взбунтовался поток, его преследовал набегающий на берег грозный прибой; буйные волны разбивались у его стоп, в их криках звучали угроза и жалоба. Он смотрел только перед собой на убегающую цель. Это привело его в горную долину, все больше и больше сужавшуюся перед ним, где в выступающих отвесных скалах громовым эхом отдавался рокот усиливающегося прибоя: в этот момент фигура перед ним исчезла. Долина, в которой он оказался, заканчивалась отверстием в крутой скале, где он и стоял у входа. Преследуемый морем, он протиснулся в этот узкий свод и попал в подземный переход, лишенный света; до его ушей не доносилось больше ни звука: сердце в груди наполнилось ужасом.

Он долго и упорно шел по тропе и с нетерпением ждал, погруженный во мрак, появления выхода. Проход клонился все ниже и упорно вел его в глубину, казалось, что он опускается в бесконечную бездну.

Он долго спускался так вниз, когда во мраке показалось далекое свечение; отвесные скалы вдруг расступились, а над его головой образовался высокий свод; отдаленные аккорды тихо приводили в движение воздух, он стал дышать свободнее, ускорил шаг, непрерывно продвигаясь вперед; стало светло, еще светлее и громче; но чтобы попасть к источнику в центре, к которому он приближался, нужно было еще долго спускаться в необъятную глубину.

Там узрел он удивительные лица! В одном из ярусов необозримого подземелья стояли бесчисленные ткацкие станки, у каждого из которых переплелись в противоборстве две одинаковые фигуры. Их можно было различить только по знакам: одни носили на головах карбункул, а их противники железные короны, как только власть переходила к первым, светлее становился и камень на голове, и из камней единственно проистекал в этом сказочном царстве свежий воздух, по которому волнами шли мощные созвучия.

Он сразу же, как только увидел, узнал ткачих у ткацкого станка, к которому стоял ближе всего, поразительно похожих на женщину, погруженную в страдания, одетую в длинное траурное платье, их черные волосы спадали с сияющего лба по лицу вниз, к живым лилиям груди и прекрасным членам. На одной из них был карбункул, на другой – железная корона; обе устремили на него серьезный взгляд, первая порождая взором свет, вторая – тьму; они напряженно боролись и двигались: он подошел к ткацкому станку и посмотрел, полотно, которое они ткали, было его собственной жизнью.

«Я узнал вас, гении моей судьбы!», – воскликнул Адельберт; «карбункул, ты есть моя внутренняя самость, а ты – мрачное столкновение внешних мировых сил, но власть и свет достанутся тебе, драгоценный карбункул!» В ответ раздалось: «Посмотри вверх!», но поднявшему глаза явилось то, другое лицо.

Он увидел в центре старца, сидящего в священной величественности на возвышающемся троне; на лбу его было начертано имя, и имя это было (даже произнесенное тысячью разных голосов на новый лад): ANAGKH². Его просторное одеяние было из усеянной звездами лазури, в левой руке покоилась арфа, правой он ударял по струнам, из которых непрерывно лились разные созвучия. Во время перебора струн звезды на его одежде двигались и приходили в порядок в соответствии с аккордами, а пока шло упорядочение звезд и взятые им аккорды проявляли свою власть, оживлялась и борьба ткавших фигур. Их движения, падения, подъемы, их ткачество и весь блеск, исходивший от карбункулов, – всё это было звуками, которые он производил. Но общее многоцветное полотно перед ним было одним полотном, одним аккордом.

На алтаре перед тронем старца Адельберт увидел локон собственных волос, соединенный с тем другим локоном; он снял кольцо с пальца, взялся за чтение слова и разобрал: ΣΥΝΤΗΛΕΙΝ³. Он молитвенно пал ниц перед тронем. Вдруг он проснулся и обратил лицо к восходящему на востоке солнцу.

¹ В переводе с греческого – «воля» (нем. – Wollen, Wille) – Т.Г.

² В переводе с греческого – судьба. – Т.Г.

³ Можно перевести с греческого как «воля в необходимости» (нем. – das Mitwollen). – Т.Г.

Перевод с немецкого Т.М. Гордеенок, Полоцкий государственный университет

Готфрид Бенн

ПРОБЛЕМЫ ЛИРИКИ

Дамы и господа,

когда воскресным утром, а иногда и в середине, недели, вы разворачиваете газету, на одном из вкладышей, обычно наверху справа или внизу слева, вы находите нечто, что бросается в глаза благодаря